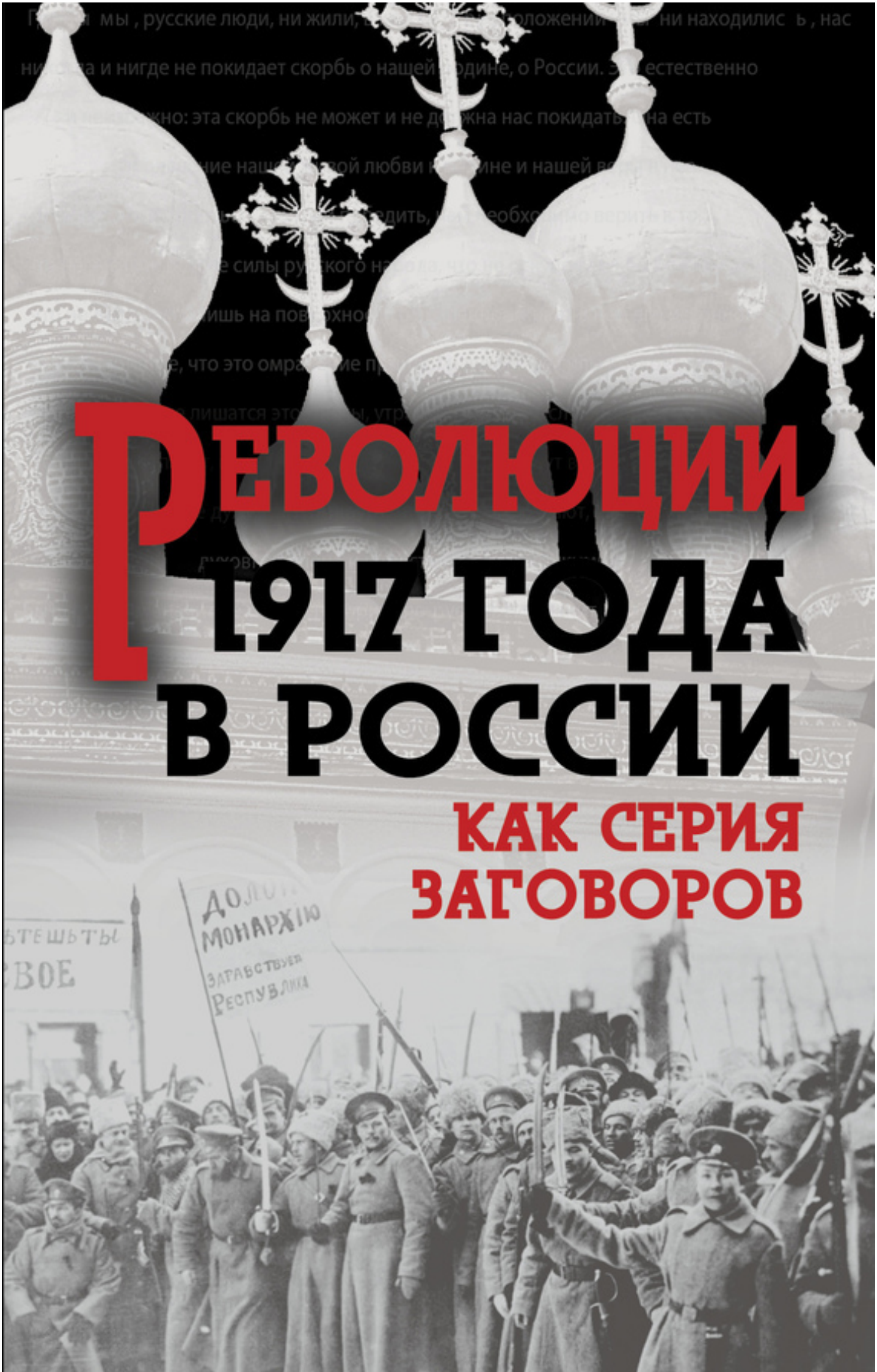
Революции 1917 года в России

как серия заговоров



Поле битвы – Россия

Сборник

Революция 1917-го в России. Как серия заговоров

«Алисторус»

2016

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)52

Сборник

Революция 1917-го в России. Как серия заговоров / Сборник — «Алисторус», 2016 — (Поле битвы – Россия)

ISBN 978-5-906880-08-6

1917 год стал роковым для Российской империи. Левые радикалы (большевики) на практике реализовали идеи Маркса. «Белогвардейское подполье» попыталось отобрать власть у Временного правительства. Лондон, Париж и Нью-Йорк, используя различные средства из арсенала «тайной дипломатии», смогли принудить Петроград вести войну с Тройственным союзом на выгодных для них условиях. А ведь еще были мусульманский, польский, крестьянский и другие заговоры…Обо всем этом российские власти прекрасно знали, но почему-то бездействовали. А ведь это тоже могло быть заговором…Из-за того, что все заговоры наложились друг на друга, возник синергетический эффект, и Российская империя была обречена.Авторы книги распутали клубок заговоров и рассказали о том, чего не написано в учебниках истории.

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-906880-08-6

© Сборник, 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Часть первая 6
Е. А. Прудникова 6
Ленина «сносит» влево 8
Странные телодвижения партии большевиков 10
В чем сила, брат? 12
Пустые надежды министра-председателя 16
Чего боялся Ленин? 18
День X 21
Так зачем все же стреляла «Аврора»? 23
Что и требовалось получить 24
Заключение 28
Приложение 30
Конец ознакомительного фрагмента. 35
Комментарии

Революции 1917 года в России. Как серия заговоров

© Гурджиев Л., 2016
© Кара-Мурза С., 2016
© Колпакиди А., 2016
© Коростылев С., 2016
© Мухин Ю., 2016
© Потапов Г., 2016
© Прудникова Е., 2016
© Ратьковский И., 2016
© Черемных К., 2016
© Шишкин О., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Часть первая
Большевики: нас было мало…

Е. А. Прудникова
Конкретика успешного переворота

До чего же трудно бороться с послезнанием! Мы знаем, что было потом, и это заставляет искать в словах и событиях скрытое значение, которого, когда все совершалось, там и не было вовсе. Как, зная послеоктябрьскую историю, не поверить, что стоило Ленину открыть рот – и окружающие замирали в молитвенном восторге? Но ведь не было этого! И власть оказалась в руках большевиков не потому, что в них видели спасителей Отечества – этих спасителей тогда было хоть лопатой греби! – а потому, что Ленин и большевистская партия предприняли вполне конкретные усилия для того, чтобы эту власть получить. Она, конечно, валялась на земле, но вокруг стояла куча народу, следившего, чтобы ее кто-нибудь не поднял в одиночку. Никто не хотел брать ее себе, но всем хотелось поучаствовать. И уж отдать власть какой-то мелкой экстремистской тусовке, да еще готовой опозорить страну сепаратным миром?..

Так что все это было далеко не так просто и естественно, как кажется теперь, когда мы знаем, что будет дальше….

Как следует поступить, если хочешь хорошенько спрятать какую-либо вещь? Правильно, положить ее на самом видном месте. Как, собственно говоря, и получилось с Лениным. Он никогда не скрывал своих намерений, озвучивая их прямо и честно – а его либо не слушали, либо не верили. Ведь политические радикалы – это практически всегда партии «сослагательного наклонения». Легко говорить: «Вот если бы мы пришли к власти, мы бы…» и выдвигать самые безумные лозунги, когда ты знаешь, что власть тебе не грозит ни при каком раскладе. Даже в партии далеко не все до самого дня 25 октября понимали, что Ленин *на самом деле* собирается брать власть – а уж как он это намерен сделать и какой власти он хочет…

3 апреля 1917 года знаменитый пломбированный вагон, битком набитый российскими политэмигрантами самых разных мастей, припарковался в Петрограде. В то время видные деятели Совета считали для себя обязательным встречать каждого приезжающего политика – вот и Ленина встретил на Финляндском вокзале собственной персоной председатель ЦИК [1] Чхеидзе. В качестве приветствия он прочитал целую нотацию: от имени Совета он рад приветствовать Ленина в России, но «мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели…» и т. д., и т. п.

Ленин на протяжении речи Чхеидзе разглядывал потолок, стены, окружающих, потом повернулся к «своим» встречающим и ответил следующее: «Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию… Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе… народы обратят оружие против своих эксплуататоров – капиталистов…» И далее в том же духе. Первый контакт двух русских революций – февральской и октябрьской – состоялся. И сразу стало ясно, что им совершенно не по пути.

[1] ЦИК – Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов

Уже на следующий день на совещании большевиков – членов всероссийской конференции Советов Ленин выступил со знаменитыми апрельскими тезисами. Пунктом первым там шел самый главный на то время вопрос – о войне. Единственным реальным выходом из войны для России был сепаратный мир, который большевики, придя к власти, тут же бестрепетно заключили. Однако говорить о сепаратном мире, только что проехав через Германию, было, мягко говоря, неразумно. Поэтому Ленин делает хитрый финт, заявляя, что заключить войну истинно демократическим миром нельзя без свержения власти капитала. А раз власть капитала не свергнута, так не о чем и разговаривать. Будем работать в этом направлении, пропагандируя такие взгляды, в том числе и в действующей армии. Далее по тезисам: никакой поддержки Временному правительству, переход власти к Советам – снизу доверху и по всей России. Конфискация всех помещичьих земель, национализация всех земель в стране, слияние всех банков в один общенациональный банк, контроль за производством и распределением – ну, и еще по мелочам, вроде перемены названия партии с социал-демократической на коммунистическую. Прямо скажем: большевистский лидер не собирался стрелять из пушки по мухам. Хотя тогда его идеи расценили как попытку подбить из рогатки броненосец.

5 апреля состоялось совещание представителей социал-демократических партий, где эти тезисы бурно обсуждались. «Отец русской социал-демократии» Плеханов назвал ленинскую программу «грёзофарсом» – бредом сумасшедшего. И кто бы с ним не согласился? Впрочем, терять большевикам было нечего, с такими идеями политический капитал они могли приобрести нешуточный, а там посмотрим. Время на дворе стояло веселое с явным дрейфом в сторону безумия, а в такой обстановке расклады случаются самые неожиданные.

Так дальше и шло. 3 июня открылся первый съезд Советов. Он был насквозь социалистическим: из 822 делегатов с решающим голосом 285 мандатов имели эсеры, 248 – меньшевики, 105 – большевики, остальные – разные мелкие организации. И вот когда видный меньшевик Церетели, давая очередную характеристику положения дел, вещал с трибуны: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место», – Ленин выкрикнул из зала свое знаменитое: «Есть такая партия!» Его заявление встретили смехом – но смутить Ильича было задачей непосильной. Он вышел на трибуну, заявив: «Окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу». И, ничтоже сумняшеся, стал излагать «апрельские тезисы». Ну прямо Жириновский образца 1917 года!

Однако была у данной политической клоунады и оборотная сторона, совсем не смешная. Это, кстати, хорошо понимали «союзники». Уже 3 апреля английское посольство сообщило в российское Министерство иностранных дел: «Ленин – хороший организатор и крайне опасный человек и, весьма вероятно, он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде». А кроме личных качеств вождя надо учитывать, что за ним стояла отнюдь не парламентская «говорильная» партия. Кроме сидевшего за границей теоретико-политического руководства, РСДРП(б) имела не слишком большую, но очень качественную организацию в России, которая двадцать лет (!) целенаправленно занималась организацией рабочего движения. Причем действовали большевики отнюдь не петициями: в их арсенале были стачки, саботаж, теракты, уличные бои. За спиной у Ильича стояли такие «зубры» нелегальной работы, как члены Русского бюро ЦК[2] Коба (Сталин) и Андрей Уральский (Свердлов), освобожденный в марте из Бутырской тюрьмы Юзеф (Дзержинский) и множество подобных фигур меньшего калибра, но в том же стиле: мало слов, много дела.

Эта двойственность, сочетание политически грамотной верхушки и конспиративно-боевых низов, делала организацию совершенно непредсказуемой и действительно опасной, ибо у нее была и голова с бродившими в ней «грёзофарсами», и руки, которые могли заняться их

[2] Русское бюро – та часть ЦК РСДРП(б), которая занималась работой в России

реализацией. Но насколько опасной – не понимало даже большинство членов ЦК, мысливших все-таки парламентскими категориями.

А время шло. Отгремели июльские беспорядки, торжественно провалился корниловский мятеж, Россия была объявлена республикой. Армия рассыпалась на глазах, по всей стране пылали помещичьи усадьбы. Росла и ширилась великая русская смута, а в столице пиром во время чумы кипели политические дебаты.

Ленина «сносит» влево

По мере развития революции Россия дрейфовала в левую сторону политического спектра. Из правительства уходили представители буржуазных партий, их портфели подхватывались социалистами – эсерами и меньшевиками. Впрочем, войдя в правительство, они не делали ничего такого, что можно было бы ожидать от представителей социалистических партий, оправдываясь тем, что не имеют возможности защищать интересы трудящихся («хочу, но не могу»). Большевики в правительство не входили и не собирались («не могу, а значит, не стану») – обычная, в общем-то, позиция для политических радикалов: свобода критики и никакой ответственности. Советы также являлись эсеро-меньшевистскими – хотя после подавления корниловского мятежа и началась их большевизация, но ВЦИК[3] пока оставался прежним.

Ленин, сидевший в Гельсингфорсе, со всем пылом пресекал любые попытки своих деятелей работать в одной упряжке с социалистами, называя тех «социал-предателями» (и было за что!) Тем не менее, когда в ходе подавления корниловского мятежа стихийно возникла коалиция с эсерами и меньшевиками, он эту коалицию задним числом одобрил и даже написал несколько соответствующих статей, начиная с известной работы «О компромиссах». Причина внезапной уступчивости Ильича была проста: развитие событий его вполне устраивало. «Компромисс» с социалистами, к которому призывал Ленин, он видел в следующем: Советы берут власть в свои руки и формируют правительство, состоящее из советского большинства – меньшевиков и эсеров, не допуская в него кадетов и прочих представителей буржуазных партий. Большевики, так уж и быть, в правительство не войдут, удовлетворившись только свободой реализации своей программы – то есть, продолжат агитировать, выдвигая безумные сверхпопулистские лозунги, наживая политический капитал и спокойно ожидая революции на Западе. По Марксу, начать должен был именно Запад, так что Россия могла особо не спешить.

Примерно в таком духе Ильич написал целую серию статей, чем дал ЦК и Петроградскому комитету богатую пищу для политических дискуссий – и большевистские политики этим старательно занимались. Пока все это обсуждалось, РСДРП(б) вела себя мирно: ее представители честно участвовали в заседаниях разнообразных органов власти и комитетов, старались обеспечить как можно более солидную фракцию на Демократическом совещании, которое должно было определить состав правительства новорожденной Российской демократической республики (его открытие было назначено на 14 сентября). Они, конечно, всюду агитировали за полный разрыв с буржуазными партиями, но торжественных уходов из зала заседаний, переходящих в забастовки протеста, не устраивали – хотя бы и на том спасибо.

И вдруг 15 сентября Ленин прислал инструкции, от которых ЦК впал в ступор: Ильич внезапно переметнулся на крайний левый фланг и начал требовать немедленной подготовки вооруженного восстания.

Что же произошло? Очень простая вещь: социалистические лидеры оказались не глупее Ленина и соглашаться на большевистский «компромисс» не собирались. Эсеро-меньшевист-

[3] ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов, орган, сформированный Первым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов (3–24 июня 1917 г.)

ское правительство? Это чтобы они за все отвечали, а большевики прятались за их спины? Правый меньшевик Марк Либер выразил эти страхи четко и афористично: «Кадеты сброшены с колесницы, но бойтесь, как бы вам не очутиться на ней одним». Боялись, однако, и еще как!

Уже 9 сентября правые социалисты Дан, Церетели и прочие, иже с ними, заговорили о новой коалиции с буржуазными партиями[4]. Большевистские политики пытались им возражать, начав увязать в изначально бесплодных дискуссиях с социалистическим большинством. ЦК РСДРП(б) собрался привычно уйти в оппозицию и с новым пылом предаться агитации и пропаганде, чем он занимался уже полгода. В общем, положение для радикальной партии было достаточно выигрышное. И тут Ленин шарахнулся на левый фланг, потребовав бросить всю эту ерунду и начать подготовку к вооруженному восстанию.

Людей, входивших в состав ЦК, трудно было шокировать – однако Ленину это удалось. (У меня есть подозрение, что самым большим шоком для них стало осознание того, что Ленин не просто *говорит* о приходе к власти, а *всерьез* собирается ее брать.) Их вождь оказался не радикальным политиком, и даже не авантюристом высшей пробы, а полностью «отмороженным» деятелем, который искренне не понимал: почему не взять власть, если можно ее взять? Будем идти по этому пути столько, сколько продержимся. Последствия? Да плевать на последствия! Войдем в историю, как вошла в нее Парижская коммуна, и пусть на нашей крови поднимется новое поколение революционеров!

Да и партийные низы подпирали. Двадцать лет вожди говорили им о социалистической революции – и теперь пришло время «отвечать за базар». Иначе большевистские лидеры потеряли бы лицо перед собственным личным составом – и кому бы они были после этого нужны? И вот социалистическая революция внезапно сошла со страниц толстых томов партийных теоретиков и испытующе уставилась в лицо: ну как, товарищи, рискнете? Кишка не тонка?

Стра-ашно!

Едва получив новые ленинские письма, 15 сентября ЦК собрался на специальное заседание. Сталин (вообще-то верный ленинец, но вписывавшийся в повороты вождя с некоторым запозданием, поскольку не имел привычки подчиняться, не раздумывая) предложил отправить письма на обсуждение в наиболее крупные первичные организации (вот и пойми – он за ленинские идеи или против?), однако получил сплоченный отпор остальных членов ЦК, от Каменева до Троцкого. В партии имелось огромное количество леваков, которым только ленинской поддержки и не хватало, чтобы немедленно перейти к захвату вокзалов и уличным боям. Более того, дабы информация не просочилась случайно, постановили все копии писем сжечь, оставив только по одному экземпляру, и упорно продолжали печатать в «Рабочем пути»[5] старые ленинские работы эпохи «компромисса» (то есть двухнедельной давности).

Какое-то время так все и шло: Ленин требовал немедленного выступления, ЦК саботировал. Но ведь Ленин писал не только ЦК, а и Петроградскому, и Московскому комитетам. Информация постепенно просачивалась на более низкий партийный уровень, да и члены ЦК постепенно привыкали к новому курсу – ив начале октября дискуссия о целесообразности вооруженного восстания как-то незаметно подменилась дискуссией о его сроках. Ждать ли Второго Всероссийского съезда Советов, который должен был собраться в середине октября, или действовать независимо?

Ленин к тому времени успел из Гельсингфорса перебраться в Выборг, поближе к столице, по-прежнему говорил, что «промедление смерти подобно» и требовал брать власть тотчас, немедленно.

---

[4] После корниловского мятежа решено было с кадетами и прочими буржуазными партиями дела не иметь.

[5] «Правду» постоянно закрывали, и после каждого закрытия ее начинали выпускать под новым названием. В то время она называлась «Рабочий путь».

Сведения об этих спорах, несмотря ни на какую конспирацию, тут же попадали на страницы газет – от черносотенных до анархистских. Дебаты внутри большевистского руководства гремели на всю столицу. После того, как 7 октября большевики торжественно ушли с первого же заседания Предпарламента[6], о том, что они готовят восстание, говорили в каждой очереди, в каждом трамвайном вагоне и на каждом уличном митинге.

Кто же так дела-то делает? Тоже мне, конспираторы с двадцатилетним стажем!

Странные телодвижения партии большевиков

7 октября Ленин, наконец, добрался до Петрограда. 8-го числа, отдохнув с дороги, он принялся за дела, и уже 10 октября ЦК принял решение о восстании. А информация все продолжала утекать в какие-то непонятные дыры. Уже через день левоэсеровская газета «Знамя труда» разъясняла читателям, почему немедленное восстание – это плохо. 15 октября газета Горького «Новая жизнь» посвятила большую статью рассуждениям на тему – поддерживают или не поддерживают массы призывы большевиков взять власть силой.

В тот же день, 15 октября, тем же вопросом озаботилось и большевистское руководство. В этот день состоялось еще одно заседание ЦК, на которое были приглашены представители от районов, доложившие о готовности – а точнее, о неготовности к восстанию. Американский историк Александр Рабинович так описывает этот драматический момент: «Общее положение дел в казармах, на фабриках и заводах часто представлялось столь неутешительным, что не могло не обескураживать многих большевиков… В выступлениях участников собрания звучала тревога по поводу явной пассивности очень многих рабочих и солдат. Вопрос в том, захотят ли они подвергать себя риску потерять работу, быть немедленно отправленными на фронт, оказаться в тюрьме или даже пожертвовать жизнью, отозвавшись на призыв большевиков к вооруженному выступлению, когда на днях должен был собраться Всероссийский съезд Советов. Лишь восемь из девятнадцати представителей районов говорили о том, что массы настроены по-боевому и готовы выступить в любой момент. Шесть представителей районов сообщили, что у них преобладали безразличие и выжидательные настроения, а пятеро без обиняков заявили, что у масс нет никакого желания выступать…

В сообщениях из районов на заседании 15 октября прозвучала также озабоченность многих большевиков отсутствием сколько-нибудь удовлетворительной общей технической подготовки восстания. Почти все выступавшие говорили о серьезных трудностях с организацией красногвардейских отрядов и о нехватке оружия и боеприпасов. В целом выступления сводились к тому, что пока еще не был создан орган, который эффективно осуществлял бы подготовку к восстанию. Представитель Нарвского района С. М. Гессен сдержанно говорил о самороспуске боевых сил, очевидно созданных в дни корниловского мятежа, в связи с отсутствием боевых центров. Винокуров, который с оптимизмом рассказывал о настроениях рабочих в Невском районе, признал тем не менее, что отряды Красной гвардии не были созданы в районе и что “организационным аппаратом мы похвастаться не можем”. Прохоров прямо заявил: “С Красной гвардией дело обстоит плохо… Вообще в районе полный развал”. Представитель Шлиссельбургского района сообщил, что красногвардейский отряд в районе был организован, но записывались в него неохотно в связи с нехваткой оружия»[1].

Тем не менее ЦК, еще совсем недавно саботировавший призывы Ленина, на следующий день всего при двух голосах против проголосовал за восстание. И как это прикажете понимать? Либо все ЦК внезапно охватило коллективное помешательство, либо… что?

---

[6] Орган, порожденный Демократическим совещанием, на который оно переложило вопрос о формировании правительства.

И тут двое противников «общей линии» – члены ЦК Зиновьев и Каменев – учудили такое, что с позиций партийной этики не лезло ни в какие ворота. Мало того, что они не подчинились решению ЦК, они еще и выступили со статьей, направленной против восстания, все в той же газете Горького «Новая жизнь».

Каменев писал в «Новой жизни»: «Ввиду усиленного обсуждения вопроса о выступлении я и товарищ Зиновьев обратились к крупнейшим организациям нашей партии… с письмом, в котором решительно высказывались против того, чтобы партия наша брала на себя инициативу каких-либо вооруженных выступлений в ближайшие сроки… Не только я и товарищ Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент… независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для революции шагом».

Из этого письма неукоснительно следовал вывод, что большевики, несмотря на все возражения собственных правых, решили выступать, не дожидаясь съезда. А до съезда оставалось всего три дня!

Тут нечто совершенно несообразное с позиции элементарного здравого смысла сотворил и сам Ленин. Он обрушился на Зиновьева и Каменева в большевистской печати, но как?! Вы думаете, он, как любой приличный лидер, готовящий переворот, стал уверять всех, что никаких восстаний не замышлялось? Ничего подобного! С таким заявлением выступил почему-то Петроградский *Совет*, о котором и речи не шло, а главный виновник торжества нес что-то невразумительное. Он написал письмо «к членам партии большевиков», где говорил:

«По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое “видных большевиков” в непартийной печати… нападают на неопубликованное решение центра партии!.. И по такому вопросу после принятия центром решения, оспаривать это неопубликованное решение перед Родзянко и Керенскими, в газете непартийной…» И т. д., и т. п. Какой из всего этого следовал вывод? Только один: решение все же состоялось, и большевики намерены выступить. А состоится выступления 20 октября, не дожидаясь открытия съезда.

Ленин рвал и метал, требовал исключения обоих предателей из партии. Однако дело кончилось всего лишь тем, что провинившимся запретили выступать от имени партии – причем уже через несколько дней Каменев, несмотря на все запреты, преспокойно участвовал в митингах. Как известно, на дальнейшей карьере «штрейкбрехеров» их выходка не отразилась – оба если и выходили из ЦК, то по своей воле и спустя несколько лет оказались в Политбюро, высшем органе, руководившем страной. И это при том, что куда меньшие провинности в большевистской партии карались пулей.

Ну, и как все это прикажете понимать?

…Шум вокруг страшных большевистских приготовлений стоял невообразимый. Между тем действовали большевики куда умеренней и аккуратней, чем говорили. 10 октября Ленин громогласно призывал не дожидаться Всероссийского съезда Советов и выступать, опираясь на съезд Советов Северной области, который должен был открыться на следующий день. При этом почему-то он нимало не озаботился проблемами готовности партии к восстанию. Как-то так получалось, что выступление – само по себе, а подготовка – сама по себе. Естественно, мгновенно произошла утечка информации, и во время съезда население Петрограда с замиранием сердца ждало, когда же *начнется* – однако ничего не началось. То есть вообще ничего – ни стрельбы на улицах, ни призывов делегатов-большевиков к съезду провозгласить себя властью. Даже чрезвычайно левая «военная организация» партии («Военка») вела себя в высшей степени прилично.

Не успели разъехаться делегаты, как грянул скандал с Зиновьевым и Каменевым, еще на несколько дней приковав внимание общественности: ну вот, сейчас уж точно будет стрельба! Газеты, каждая из собственных «абсолютно достоверных» источников, публиковали «совершенно точные» планы большевистского восстания. Командующий гарнизоном полковник Пол-

ковников дал приказ войскам гарнизона принять участие в охране порядка. Время шло, наступило и прошло двадцатое октября – и опять ничего! Шуму много, а дела вовсе и нет никакого. Если, конечно, не считать делом поднятый вокруг всех этих планов шум.

Неужели кто-то думает, что столь опытный и осторожный политик, как Ленин, не понимал: куда выгоднее брать власть, опираясь на Всероссийский съезд, чем на голую силу? Или что он полагал: можно вот так просто, без всякой подготовки, взять и провести восстание – сегодня принять решение, а завтра, не имея ни штаба, ни вооруженных формирований, выкинуть из Зимнего дворца правительство? Нет, обо всем этом он *шумел*.

В этом и разгадка того, что «ренегаты» не понесли никакого наказания. Зиновьев – ближайший сподвижник Ленина, разделивший с ним сидение в Разливе и в Гельсингфорсе, полностью посвященный во все ленинские планы, после революции ставший главой сверхотмороженной террористической организации под названием Коминтерн – он-то почему вдруг забоялся силовых действий? Каменев – старейший член партии, ему не надо объяснять, что такое партийная дисциплина. С чего вдруг их к Горькому понесло?

Да ради шума – зачем еще-то? А под прикрытием этого шума шла некая негласная работа – шла неспешно, в разумные сроки и по жесткому плану.

В чем сила, брат?

Да, рабочие окраины не были готовы к перевороту. Но кто сказал, что большевики собирались брать власть, опираясь на пролетарские толпы и на Красную гвардию?

В городе было две реальных силы – Петроградский гарнизон и кронштадтские матросы, да еще имелся большевизированный гарнизон в Гельсингфорсе. За кого они станут, у того будет и власть. А за кого они стояли – еще очень большой вопрос. В Кронштадте сильны были анархисты, у гарнизона же имелись проблемы поважнее политических предпочтений: засевших в столице солдатиков правительство собиралось выпереть на фронт.

В начале октября немцы захватили Моонзундский архипелаг на Балтике, перекрыв морские пути и оттеснив русский флот в Финский залив. Правительство обвиняло разложившихся солдат и матросов и, как водится, большевиков, большевики обвиняли правительство в намерении сдать Петроград, по городу бродили слухи о переносе столицы в Москву. Тут-то правительство и предприняло очередную попытку перебросить части Петроградского гарнизона на фронт, мотивируя это необходимостью защиты Отечества. На самом же деле предполагалось на смену выведенным из столицы ненадежным частям прислать еще не распропагандированных фронтовиков, опираясь на которых, можно начать наводить порядок. Существовали ли на фронте нераспропагандированные солдаты, и чем вообще могла закончиться эта затея – вопрос, конечно, интересный, но искать на него ответ никто не хотел.

Большевики, при всем желании, помочь гарнизону не могли, поскольку, во-первых, не имели реальной власти, а во-вторых, вообще оказались в трудном положении. Дело в том, что необходимость замены уставших фронтовых частей тыловыми была единственным пунктом, в котором солдаты-фронтовики сходились с эсеро-меньшевистскими армейскими комитетами и с Временным правительством: против были только тыловые части. Большевики же, поддержав фронтовиков, теряли петроградский гарнизон, а поддержав гарнизон, теряли фронтовиков, ибо правительственные комиссары получали рычаги воздействия на озверевшую от войны солдатскую массу: вот, смотрите, каковы они, ваши радетели! Умело сыграв на этой струнке, можно было двинуть фронтовиков на Петроград не революцию душить, как вел их Корнилов, а вышибить из города засевших там тыловых лоботрясов.

(Надо сказать, что большевики все же выкрутились из этой ловушки. 17 октября во Пскове было собрано совещание фронтовых и гарнизонных представителей, чтобы, воздействуя на совесть, убедить засевших в Петрограде солдатиков согласиться отправиться на

фронт. Большевики же ловко подправили разговор: надо заключать мир, а не гнать новые полки в окопы. Ну, и далее, как всегда: чтобы заключить мир, надо передавать власть Советам; тем более что близится съезд, который должен решить еще и вопрос о земле; вывод полков из Петрограда имеет контрреволюционные цели – сорвать съезд и Учредительное собрание. Так что давайте, товарищи, подождем съезда, тем более и осталась какая-то неделя, ну что она вам, сделает погоду, что ли?)

ВЦИК, может, и смог бы отстоять петроградский гарнизон – но не хотел. Он по-прежнему был эсеро-меньшевистским. Обе эти партии, кроме Исполкома Советов, входили и в правительство, так что были обязаны защищать государственные интересы. (Кроме того, как показали дальнейшие события, социалисты были тесно связаны с союзниками по Антанте, которые требовали от России продолжать войну любой ценой).

Однако существовала в Петрограде еще одна организация, которая и хотела, и могла помочь – первый из всех Советов России, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, который к тому времени был полон левых: большевиков, левых эсеров, анархистов. Председателем Петросовета являлся не кто-нибудь, а сам Троцкий, руководивший этим органом еще в 1905 году. Насквозь большевизированный Петросовет, естественно, не хотел расставаться с частями, с которыми большевистские пропагандисты так долго и хорошо работали.

9 октября был опубликован приказ Временного правительства о выводе Петроградского гарнизона на фронт. В тот же день приказ обсуждался на пленуме Петросовета, который принял решение: создать Военно-революционный комитет по обороне Петрограда. Задачи у комитета были вполне нейтральные, не придерешься: точный учет Петроградского гарнизона и определение минимума сил, необходимых для обороны столицы, меры по охране города от погромов, поддержание порядка. Входили в него представители военных и флотских комитетов, Советов, профсоюзов, фабзавкомов. Формально ВРК был внепартийным органом, подведомственным Совету – однако большинством организаций, пославших в него своих представителей, давно уже рулили большевики, левые эсеры или анархисты. И почему-то именно после создания Комитета, на следующий же день, большевистский ЦК принял первое решение о вооруженном восстании.

Новый комитет неспешно проходил процедуру согласований и утверждений. До тех пор, пока он не был утвержден исполкомом Петросовета, большевики старательно не обращали на него внимания. Им было не до того – они бурно обсуждали подготовку собственного вооруженного восстания: ждать неделю до съезда или все же не стоит? Однако, как только ВРК прошел процедуру утверждения, в тот же день, 16 октября, ЦК РСДРП(б) принял *окончательное* решение о вооруженном восстании. Снова совпадение дат? Какие-то уж очень точные получаются совпадения.

На том же заседании ЦК избрал «Военно-революционный центр», который делегировал для работы в ВРК. Вошли туда не политики, не ораторы, известные всему Петрограду, а тихие и малозаметные товарищи из «конспиративной» части партийного айсберга. Те, огромная роль которых в подготовке переворота всегда утверждалась большевистскими историками – но даже после победы революции никто никогда не раскрывал: а чем именно означенные товарищи занимались с апреля по октябрь 1917 года? Поименно: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Трое из них стали потом крупнейшими государственными деятелями, входили в самое узкое из узких руководств, Бубнов тоже не затерялся в неизвестности, а дослужился до начальника Политуправления Красной Армии и наркома просвещения[7]. И лишь послужной список Урицкого оборвался должностью председателя Петроградской ЧК, но не по его вине – на этой должности он был убит в августе 1918 года.

[7] В то время просвещение являлось одним из ключевых направлений работы.

Впрочем, этой пятеркой присутствие большевиков в ВРК не ограничивалось – «центр» был делегирован туда партией, но большевики имелись в Комитете и сами по себе, как чьи-то представители. 20 октября на первом пленарном заседании ВРК было избрано его бюро, куда вошли еще три большевика: Антонов-Овсеенко, Подвойский и Садовский (первый из них будет вскоре арестовывать Временное правительство, второй являлся руководителем «Военки»). Остальные двое членов были левыми эсерами, в том числе и председатель бюро Павел Лазимир, председатель солдатской секции Петросовета.

Очень любопытную вещь сказал три года спустя Троцкий, вспоминая те дни: «Отдавал ли он (Лазимир. – Авт.) себе отчет, что дело идет о заговоре, или же только отражал бесформенно-революционное настроение левого крыла эсеров, не знаю. Скорее последнее».

Стало быть, создание ВРК было частью заговора, и остальные члены бюро это понимали. Не говоря уже о членах «Военно-революционного центра» – эти должны были попросту *знать*. Тем более, если верить Троцкому, большевики сами ВРК и придумали: «Вопрос о создании Военно-Революционного Комитета был выдвинут военной организацией большевиков. В сентябре месяце 1917 г., когда военная организация обсуждала вопрос о вооруженном восстании, она пришла к заключению о необходимости создания непартийного «советского» органа для руководства восстанием. Об этом решении мною было сообщено т. Ленину»[2]. Ну, а Ленин уже дал ему ход.

Что забавно, через несколько недель Ильичу пришлось долго уговаривать руководство «Военки» работать не самостоятельно, а только в рамках ВРК. Орлы товарища Подвойского на практике свою идею не распознали. Впрочем, решение было настолько простым, что вопрос об авторстве обсуждать бессмысленно – любой мог догадаться…

…Итак, под прикрытием шума, суеты на рабочих окраинах, громких газетных статей и скандала внутри ЦК РСДРП(б), Петросовет потихоньку начал прибирать к рукам гарнизон, который очень не хотел на фронт и вообще был недоволен начальством. ВРК сразу же стал «параллельной властью» в гарнизоне, но основной властью оставался все же его высокоблагородие господин Полковников. Чтобы комитет перехватил бразды правления из рук командующего гарнизоном, должно было что-то произойти.

Итак, напомним, что ВРК начал организовываться 9 октября, был утвержден 16-го и провел первое пленарное заседание 20 октября. Но уже 18-го в Смольном, где располагались в то время ВЦИК и Петросовет, прошло собрание представителей полковых и ротных комитетов гарнизона. То, что они говорили, показало, насколько правы были большевики, спрятавшись «под крылышко» Совета – солдатская масса не доверяла правительству и ВЦИКу, но признавала Петросовет. Если бы большевики выступили сами по себе – это был бы еще очень большой вопрос, куда бы повернул гарнизон: мог объявить о нейтралитете, мог расколоться… А ВРК, как орган единственного совета, которому доверяли солдаты, был неуязвим.

На том же собрании было принято важнейшее организационное решение о непрерывной связи ВРК со всеми полками. Полковые комитеты устанавливали непрерывное дежурство у телефонов и, кроме того, каждая часть должна были прислать в Смольный по двое связных. Так что 20 числа, когда состоялось, наконец, первое пленарное заседание ВРК, все было готово для того, чтобы в любую минуту выхватить власть из рук Полковникова – дай только повод.

И повод не замедлил представиться. В ночь на 21 октября ВРК назначил своих комиссаров во все части петроградского гарнизона и на склады оружия – в основном это были только что освобожденные из тюрем деятели «Военки». А затем последовала очень простая провокация. В ночь на 22 октября комиссары ВРК явились в штаб Петроградского военного округа. Оттуда их послали далеко, и комиссары без слова протеста пошли, но не по указанному адресу, а в Смольный. И тут началось! Уже утром Комитет собрал представителей всех полков гарнизона, руководство гарнизона объявили «орудием контрреволюционных сил». Первые два пункта резолюции, принятой собранием, гласили:

«1. Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-революционного комитета.

2. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны».

Так ВРК легко и элегантно перехватил управление гарнизоном. Уже на следующий день одумавшийся командующий готов был идти на переговоры – но поздно! И хотя 23 октября ВРК все же отказался от жесткого контроля над действиями командования, ясно ведь, что после первого же неугодного комитету приказа одним легким движением руки контроль будет восстановлен.

Напомним, что формально ВРК подчинялся Петросовету, но по факту им рулили большевики, как гласно, так и негласно. Ведь в Бюро ВРК заседали далеко не первые люди в РСДРП(б) – зато в состав делегированного туда партией Военно-революционного центра входили крупнейшие руководители партии Сталин и Свердлов, а партийную дисциплину еще никто не отменял.

Вот теперь можно было и восстание проводить!

О роли ВРК в ленинских планах не знали даже многие его члены, в частности, руководитель «Военки» Подвойский, люди которого занимались технической подготовкой большевистского восстания. Непосредственно перед событиями руководители «Военки» Подвойский и Невский побывали у Ленина на конспиративной квартире, где состоялась очень интересная дискуссия. Оба убеждали Ильича отложить восстание на несколько дней, пока «Военка» не будет готова его провести, а тот нетерпеливо разъяснял, что действовать нужно только через ВРК, а не самостоятельно, и брать власть непосредственно перед съездом Советов, «дабы этот съезд, каков бы он ни был, встал перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти».

Да-да, конечно! Игнорировать такое крупное мероприятие, как Съезд Советов, было в высшей степени неразумно – его и не игнорировали. Не зря же большевики снова и снова повторяли на каждом углу: «Вся власть Советам!». Если выстроить ленинскую интригу по срокам, сразу становится понятно, что власть с самого начала собирались брать именно с опорой на съезд. С ним же увязано и знаменитое ленинское высказывание: «Сегодня выступать рано, послезавтра – поздно». Когда это – «сегодня и послезавтра», и почему – «рано и поздно»?

Джон Рид, американский журналист, которого неуёмная натура и требования ремесла занесли в охваченную смутой Россию, вспоминал по этому поводу:

«3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на свое историческое совещание. Оно происходило при закрытых дверях… Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне, что там происходит.

Ленин говорил: “24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд прибудут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября – в день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: “Вот власть! Что вы с ней сделаете?”»[3].

А съезд собирался с трудом, медленно и мучительно. Верхушка местных советов и власти саботировали выборы на него, как только могли. Делегаты на крышах и буферах добирались через охваченную разрухой страну. 20 октября прибыло всего 15 делегатов, на следующий день их было 100, еще через сутки – 175, а для кворума нужно было иметь хотя бы четыреста. Мандатная комиссия пыталась саботировать, ее члены заявляли не понравившимся (т. е. большевистским) делегатам: «Зря, мол, приехали, пустить вас на съезд не можем». Рядом непременно посмеивался кто-нибудь из большевиков: «Ничего, товарищи, не беспокойтесь, когда съезд

начнется, все пройдете». Но все же было ясно, что 25 октября его откроют. Именно к этому дню (плюс-минус организационный бардак) и сходились все линии большевистских интриг.

Пустые надежды министра-председателя

Для полной красоты операции неплохо бы еще было, чтобы правительство начало первым. Большевики постоянно провоцировали Керенского, чтобы получить повод «защищать от него революцию». И Александр Федорович с размаху бухнулся в приготовленную ловушку. Поскольку разговоры о том, что большевики готовят восстание, велись по-прежнему, а по рабочим окраинам шли почти неприкрытые приготовления к вооруженным действиям, вовсю формировались красногвардейские отряды, то правительство решило упредить выступление – именно то, что и было нужно большевикам.

В ночь на 24 октября Керенский распорядился вызвать «верные части с фронта», а пока что арестовать членов Военно-революционного комитета и разгромить типографию, где печатались газеты «Рабочий путь» и «Солдат». На фронте давно уже не было верных правительству частей, арестовать членов ВРК, сидевших под охраной в Смольном, у него руки были коротки, а вот третье – получилось.

На рассвете 24 октября в типографию явился комиссар милиции 3-го Рождественского района вместе с юнкерами[8] и предъявил ордер на закрытие типографии. Юнкера конфисковали отпечатанные газеты, разбили матрицы, опечатали двери и выставили караул. Больше ничего они не успели, поскольку к тому времени информация дошла до Смольного, оттуда прислали роту солдат Литовского полка, которая и вышибла захватчиков вон. Единственным реальным следствием инцидента стала небольшая задержка выхода газеты.

Однако этого комического налета вполне хватило, чтобы поднять крик о покушении на революцию. Тут же в полки полетел приказ ВРК за подписью Подвойского:

«Петроградскому Совету грозит прямая опасность… Предписывается привести полк в полную боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений».

ЦК большевиков, и без того почти не покидавший Смольного, постановил больше не расходиться, чтобы не искать друг друга по Петрограду. Один Ленин еще оставался на конспиративной квартире. На всякий случай – вдруг все же прорвутся какие-то части с фронта – решили организовать запасной штаб в Петропавловской крепости. Наблюдение за действиями властей и связь с крепостью возложили на Свердлова, Дзержинскому поручили почту и телеграф, Бубнову – связь с железнодорожниками, Берзин и Каменев, который, как ни в чем не бывало, принимал участие в работе, отвечали за связь с левыми эсерами. Главному штабу Красной гвардии приказали направить в Смольный для охраны полторы тысячи бойцов, а также провести мобилизацию транспорта, занять в районах стратегически важные пункты, организовать охрану предприятий и выделить людей для захвата правительственных учреждений. Через несколько часов город был в руках Военно-революционного комитета и красногвардейцев – а поскольку и те, и другие подчинялись партии большевиков, то фактически власть принадлежала РСДРП(б). Однако формально инициатором всего этого триумфа был Петросовет, это он припас подарочек съезду.

…Нельзя сказать, что Керенский не боролся – вот только борьба его была изначально обреченной и потому нелепой. Он посылал депешу за депешей, пытаясь вызвать подкрепление с фронта – но такие вещи не делаются за один день, да и командующий Северным фронтом генерал Черемисов не горел желанием расставаться с боеспособными частями. Штаб петроградского округа приказал полкам гарнизона сидеть в казармах – но гарнизон теперь подчи-

[8] Кстати, юнкера образца 1917 года – это вовсе не безусые мальчишки из офицерских училищ, а слушатели школ прапорщиков – ускоренных офицерских курсов для фронтовиков из нижних чинов.

нялся только Военно-революционному комитету. Пытались прекратить трамвайное движение, чтобы нарушить связь между центром и рабочими окраинами – однако трамвайщики слушались только своего профсоюза. С той же целью пытались захватить и развести мосты – но успевали туда не раньше красногвардейцев, так что получился этот фокус с одним лишь Николаевским мостом (сейчас мост лейтенанта Шмидта). Попробовали еще раз закрыть газеты – но на сей раз данной спецоперацией занялись всего восемь милиционеров, так что даже солдат не потребовалось – их прогнали сами же рабочие вместе с двумя какими-то матросами. Единственное, чем правительство озаботилось всерьез – так это собственной безопасностью, стянув к Зимнему дворцу все, что имело – впрочем, имело оно чрезвычайно мало. А если бы не главная приманка Зимнего, то и еще меньше.

Вездесущий репортер Джон Рид побывал в это дни во дворце. Побеседовал с молодым офицером, встреченным возле кабинета Керенского, заинтересовался запертой дверью, за которой, как тот сказал, были юнкера…

«– А можно нам пройти туда?

– Нет, разумеется, нет! Запрещено… – вдруг он пожал нам руки и ушел. Мы повернулись к заветной двери, устроенной во временной перегородке, разделявшей комнату. Она была заперта с нашей стороны. За стенкой были слышны голоса и чей-то смех, странно звучавший в тишине огромного и старинного дворца. К нам подошел старик-швейцар.

– Нельзя, барин, туда нельзя!

– Почему дверь заперта?

– Чтобы солдаты не ушли, – ответил он.

Через несколько минут он сказал, что хочет выпить стакан чаю, и ушел. Мы открыли дверь. У порога оказалось двое часовых, но они ничего не сказали нам. Коридор упирался в большую, богато убранную комнату с золотыми карнизами и огромными хрустальными люстрами. Дальше была целая анфилада комнат поменьше, отделанных темным деревом. По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин. Вокруг нас собиралось все больше и больше солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Душная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание. Один из юнкеров держал в руках бутылку белого бургундского вина, очевидно стащенную из дворцовых погребов… Все помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад».

Главным стимулом, удерживавшем во дворце его защитников, являлась, разумеется, не верность правительству, а знаменитые царские винные погреба[9]. Но все же стимул сей был не дороже жизни, и Керенский это хорошо понимал. 25 октября, в 2 часа 20 минут ночи, в Ставку главнокомандующему Духонину ушли две телеграммы с требованиями перебросить в Петроград казачьи части – все, до которых можно дотянуться. Вызвали в Зимний и казачьи полки, расквартированные в Петрограде – но те ответили, что без пехоты не пойдут. Генерал Левицкий, состоявший для поручений при министре-председателе, сообщал Духонину: «Впечатление, как будто бы Временное правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий». И, для окончательной шизофреничности происходящего, по Дворцовому мосту в виду осажденного Зимнего дворца ходили трамваи, в городе работали рестораны и кинематографы, в театрах шли спектакли. По Дворцовой площади и по набережным болтались толпы зевак в ожидании бесплатного представления – штурма Зимнего дворца.

[9] Не стоит забывать, что в России в 1914 году был объявлен «сухой закон».

В 10 утра 25 октября Керенский на автомобиле американского посольства выехал из Петрограда, как он сам объяснял, «навстречу войскам» – он все еще надеялся, что в стране найдутся люди в погонах, согласные за него умереть.

…Дальше у большевиков было два способа действий. Первый – это, не предпринимая больше никаких шагов, дождаться открытия съезда и поставить перед ним вопрос о низложении Временного правительства. Еще днем 24 октября они явно склонялись к этому варианту. Выступая перед большевистской фракцией съезда, Троцкий говорил: все, что сделано ВРК – это исключительно оборона революции от правительственных посягательств, чтобы создать почву для съезда Советов. Штурмовать Зимний дворец они не собираются. Вот «если бы съезд создал власть, а Керенский не подчинился бы, то это был бы полицейский, а не политический вопрос»[4]. Впрочем, съезд бы наверняка низложил правительство, оно напрашивалось на это уже очень давно, после чего его можно совершенно спокойно разогнать или же арестовать.

И вдруг что-то произошло. В ночь на 25 октября восставшие начали захватывать важнейшие правительственные учреждения. В 9 вечера комиссар ВРК с отрядом матросов явился в Петроградское телеграфное агентство. Директор агентства заявил, что подчиняется только Временному правительству, тогда комиссар преспокойно отодвинул его в сторону, сел на его место и стал просматривать сообщения.

Около 2 часов ночи солдаты заняли Николаевский вокзал, городскую электростанцию (тут же было отключено энергоснабжение большинства правительственных зданий) и Главный почтамт. В 3 часа 30 минут крейсер «Аврора», стоявший на ремонте, вошел в Неву и вышиб юнкеров с единственного захваченного ими моста (точнее, и вышибать не пришлось – едва крейсер осветил мост прожекторами, те разбежались сами). В 6 часов утра моряки и солдаты Кексгольмского полка без малейшего сопротивления заняли Государственный банк. Через час была захвачена и телефонная станция, а в 8 часов утра – Варшавский вокзал. Утром в здании «Крестов» появился комиссар ВРК и потребовал освобождения всех политзаключенных – тюремное начальство без единого слова протеста повиновалось.

25 октября, в 10 часов утра, было опубликовано воззвание к гражданам России:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства – это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

К вечеру от всей старой власти оставалось только само правительство, уже без министра-председателя, обреченно забаррикадировавшееся в Зимнем дворце, защитники которого таяли на глазах.

Чего боялся Ленин?

Что же произошло вечером 24 октября такого, что изменило ход событий? Только одно: в Смольном появился Ленин.

Вокруг Ленина в эти дни творилось что-то непонятное. С самого его приезда в Петроград ЦК строжайшим образом запрещал ему перемещаться по городу – несмотря на то, что без своей знаменитой бородки и в парике он был абсолютно неузнаваем. Ильич сидел на конспиративной квартире в доме, который находился в нескольких десятках метров от железнодорожной станции Ланская, так что можно было при первой опасности сесть на поезд и укатить из Петрограда обратно в Финляндию, до которой было 30 километров. Вообще-то основания для такой суперконспирации имелись – Ленина арестовывать бы не стали, убили бы на месте. Но,

с другой стороны, рисковал не только он, рисковали все лидеры большевиков. Такому режиму есть лишь два разумных объяснения. Либо за Лениным охотился кто-то серьезный, а не милиция Временного правительства, либо ЦК старался держать Ильича, с его внезапными озарениями, неуемной энергией и резко холерическим темпераментом, подальше от штаба восстания. Кто знает, что еще придет ему в голову?!

И ведь пришло! Весь день 24 октября Ленин бомбардировал Смольный требованиями не ждать съезда, а брать власть сразу. Ну уж теперь-то какой в этом смысл? И тем не менее, требования сыпались одно за другим. В шесть часов вечера он написал отчаянное письмо, которое велел квартирной хозяйке, исполнявшей роль связной, передать лично Крупской.

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уж поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского[10] *показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.*

Нельзя ждать! Можно потерять все!..

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет "или другое учреждение"…

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власть в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять все.

Взять власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направить своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их…

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в наступлении смерти подобно!»

А знаете, что следует из этого письма? То, что у штаба восстания были одни цели, а у Ленина – какие-то другие, в которые он не считал нужным посвящать даже товарищей по партии (по крайней мере, всех товарищей). Какие? О, это мы скоро увидим!

Несколько раз Ленин обращался к ЦК с требованием разрешить ему прийти в Смольный – и каждый раз получал отказ. Днем, по воспоминаниям той же квартирной хозяйки, он, рассвирепев, смял записку и швырнул ее на пол:

«Я их не понимаю. Чего они боятся? Ведь только позавчера Подвойский докладывал, что такая-то военная часть целиком большевистская, что другая тоже… А сейчас вдруг ничего не стало. Спросите, есть ли у них сто верных солдат или сто красногвардейцев с винтовками, мне больше ничего не надо!»[11].

---

[10] Александр Верховский – последний военный министр Временного правительства. Выступал за заключение мира с Германией, однако не был поддержан. 21 октября был уволен в двухнедельный отпуск и выехал на Валаам.

[11] У меня есть подозрение, что Ленин попросту *достал* товарищей по партии, потому-то они и старались держать его подальше от себя.

Что было дальше? Официальная версия советской истории такова: к вечеру ЦК все же разрешил Ильичу появиться в Смольном. Для конспирации Ленин послал хозяйку квартиры с письмом к Крупской, а сам, оставив ей записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтоб я уходил», в сопровождении одного лишь связного, финского большевика Эйно Рахья, отправился в Смольный. Они доехали на трамвае до Финляндского вокзала, затем шли пешком, на Шпалерной едва не попавшись патрулю, и с трудом проникли в Смольный, так как не имели пропусков.

Все очень мило – но если ЦК согласился на приезд Ленина в Смольный, почему допустил, чтобы он ушел туда всего с одним сопровождающим? Что, нельзя было прислать грузовик с солдатами? А уж история с пропуском совсем не вписывается. Допустим, его не было у Ленина, однако он всяко должен был быть у связного – иначе с кем Рахья связывал Ильича? Нет уж, больше похоже на то, что Ленину просто надоело ждать, он послал хозяйку с письмом[12], чтобы та ему не препятствовала, а Эйно Рахья – никакой не связной, а телохранитель, – вынужден был его сопровождать (не запирать же Ленина в чулане, в самом-то деле?)

Как бы то ни было, в Смольный он прорвался – и тут-то все и началось!

Но есть еще один, куда более интересный вопрос: почему Ленин так торопил с восстанием? Опасался правительства? Полно, оно давно уже не имело ни силы, ни власти, а уж коль скоро фронтовые части добрались бы до Питера, арест «временных» их бы не остановил. В чем же дело?

Впрочем, ответ содержится в письме.

«Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября…»

То есть, дело было не в правительстве, а в съезде Советов.

Большевики управляли Советами, да – но в одном вопросе они были заложниками съезда. А именно – в составе правительства. Существовала грозная опасность того, что съезд решит создать социалистическое правительство из представителей всех левых партий.

В начале сентября большевики выступали за социалистическое правительство – но с тех пор много воды утекло. Самое главное – в сентябре они не собирались участвовать во власти. А сейчас коалиция с умеренными социалистами отбросила бы ситуацию к марту 1917 года, с той разницей, что тогда у создавшей правительство Думы была альтернатива – Советы, а теперь у заменивших ее Советов альтернативы не было.

И ведь ясно, как день, чем все кончится! До сих пор любая совместная деятельность с меньшевиками и эсерами неизбежно увязала в бесконечных дискуссиях, и «однородное социалистическое» правительство было обречено на то же самое. Социалисты потопили бы в увязках и согласованиях те меры, которые надо было проводить немедленно. И главная из них – мир, мир на любых условиях и любой ценой.

Избавиться от социалистов в правительстве после их избрания было бы уже невозможно – их присутствие освящено съездом Советов. Нет, конечно, через полгода можно было бы созвать Третий съезд и устроить еще одну революцию – вот только от страны к тому времени не осталось бы уже ничего.

Да и сам большевистский переворот при таком раскладе терял всякий смысл. Проведя великолепную интригу, низложив старое правительство, своими руками способствовать появлению нового, точно такого же, которое сегодня присягнет Антанте, а завтра позовет кадетов? Собственными руками уничтожить свой основной козырь – окончание войны? Тогда что? Выходить из правительства, начинать все сначала? Так ведь не факт, что переворот удастся повторить.

---

[12] Кстати, а где была в это время Крупская? Почему не рядом с мужем? Чем она занималась? И вообще – а что мы знаем о ее политических взглядах, предпочтениях и пр.? Она ведь была Ленину не только женой, но и товарищем по партии.

Так что совершенно понятно, чего хотел Ленин – взять власть к началу съезда и на этой волне попытаться сформировать свое правительство, или хотя бы захватить ключевые позиции. А то ведь дадут портфели министров труда и земледелия – и делай с ними, что хочешь.

Как бы то ни было, ранним утром 25 октября в Смольном, на заседании ЦК, протокол которого не составлялся – а скорее всего, и не заседание это было, а просто разговор, ибо принимали в нем участие Ленин, Сталин, Троцкий, Смилга, Милютин, Зиновьев, Каменев и Берзин, фигуры совершенно разного веса и уровня, – был составлен список нового правительства, членов которого решили назвать не министрами, а «народными комиссарами». Кое-кто из присутствующих посчитал это шуткой – и зря!

Но вот кто придумал и организовал то, что было потом? Не Ленин – у него был другой сценарий. Тогда кто?

День X

…25 октября вступил в действие новый фактор – матросы. Рано утром из Гельсингфорса в столицу выехали три эшелона с моряками и отправилась целая революционная флотилия – пять миноносцев: «Меткий», «Забияка», «Мощный», «Деятельный» и «Самсон» и патрульный катер «Ястреб». Эскадра, отправившаяся тем же утром из Кронштадта, выглядела куда более живописно (нелишне вспомнить, что в Гельсингфорсе заправляли большевики, а в Кронштадте – анархисты). Братишки погрузились на все, что плавало – от дряхлого линкора «Заря свободы», который тащили по сложному фарватеру четыре буксира, до колесных пассажирских катеров, – и весь этот умопомрачительный караван направился в Петроград, делать революцию.

В два часа дня кронштадцы доползли, наконец, до города. Их великое явление воспевалось в популярной тогда песне: «Из-за острова Кронштадта на простор Невы-реки выплывает много лодок, в них сидят большевики» (добавим: и анархисты). В устье Невы уже стояла «Аврора», судовой оркестр играл марш. Три тысячи кронштадтцев высадились на берег.

К тому времени организационный ресурс Военно-революционного комитета начал подходить к концу. Ленин метался по тесной комнатке Смольного, как зверь в клетке, требуя немедленно брать Зимний, но штурм тонул в каких-то организационных неувязках.

Взять дворец планировали в полдень – однако все время что-то мешало. Сперва никак не могли согласовать ультиматум, который собирались предъявить правительству – в конце концов им пренебрегли, но время было потеряно. Потом начались заморочки с подготовкой штурма.

Дворец был вроде бы обложен со всех сторон, между тем туда и оттуда все время шастал какой-то народ. Естественно, как только запахло жареным, защитники Зимнего начали понемногу разбегаться – и замки не помогли! В 6 часов ушла группа юнкеров Михайловского артиллерийского училища, забрав с собой четыре из шести пушек Затем удалилась группа казаков. Около 7 часов вечера восставшие взяли Главный штаб.

Остальные защитники громоздили перед дворцом баррикады из дров – впрочем, все это было без толку, потому что Зимний, строившийся как дворец, а не как крепость, имел огромное количество неохраняемых дверей и окон, и к вечеру туда просочилось множество народу[13]. Организационный ресурс ВРК к тому времени окончательно иссяк Восставшие солдаты успели устать от «революционной дисциплины», так что их с большим трудом удавалось мобилизовать на какие-либо действия, а о том, что Зимний, собственно говоря, уже взят, поскольку по нему шастает незнамо сколько революционеров, в комитете не было известно.

[13] Альтернативный официальной версии рассказ анархиста Федора Другова о штурме Зимнего дворца можно прочесть в приложении.

Шестидюймовки Петропавловки, из которых предполагалось обстреливать дворец, как выяснилось, не использовались уже много месяцев, так что было вообще непонятно, чем окончится стрельба. Стали подкатывать трехдюймовки – те оказались и вовсе неисправными – революция! И тут артиллеристы определили, что стрелять из шестидюймовых все-таки вроде бы можно. Так что решили рискнуть.

Разобравшись с пушками, комиссар ВРК начал искать красный фонарь. Дело в том, что в качестве сигнала к восстанию не придумали ничего лучшего, чем вывесить такой фонарь на флагштоке, забыв поинтересоваться – а есть ли в крепости столь романтичный светильник Наконец, фонарь раздобыли, стали водружать на флагшток – и тут оказалось, что его мало откуда видно. Едва разобрались с этими прискорбными обстоятельствами, как пришел слух, что Зимний уже капитулировал, и представители ВРК отправились на другой берег проверять. Наконец, в 9 часов 40 минут вечера Антонов-Овсеенко приказал крейсеру «Аврора» дать холостой выстрел – холостой намного громче боевого – в качестве сигнала. Правда, сигналом к чему он должен был послужить, непонятно, но это уже мелочи… «Аврора» радостно бахнула, вызвав восторг зрителей на набережных и перепугав обитателей дворца, в том числе и восставших, которые блуждали по дворцовым лабиринтам. Большая часть как революционеров, так и защитников дружно кинулась вон. Артиллеристы Петропавловки немного подождали, пока все, кто хочет, уберутся из дворца, и начали обстрел неясного калибра и боевого уровня. Вроде бы принято считать, что палили из шестидюймовок, два снаряда попали во дворец, а остальные разорвались над Невой – но не совсем понятно, как снаряд, который взрывается от соприкосновения с чем-либо твердым, вообще мог разорваться в воздухе. С другой стороны, даже два шестидюймовых снаряда, влепленные на таком расстоянии во дворец, наполовину превратили бы его в развалины, а там всего лишь обрушилась небольшая часть кладки. Скорее всего, боевыми по ошибке стрельнули из какой-то нечаянно оказавшейся исправной трехдюймовки, а шестидюймовые орудия палили холостыми – и громко, и страшно, и для дворца безвредно. Во-первых, он красивый, во-вторых, народное достояние[14], а в-третьих, о винных погребах Зимнего к тому времени знала каждая чайка над Невой – как же можно подвергать опасности такое сокровище? Обстрел начался около 11 часов вечера, когда, согласно официальной советской истории, дворец был уже взят, а согласно неофициальной, уже оставлен восставшими после выстрела «Авроры».

И тут во всю эту кашу впилились подошедшие, наконец, корабли из Гельсингфорса. По счастью, моряки стоявшего в устье Невы минного заградителя «Амур» узнали силуэты подходящих «Самсона» и «Забияки», а то, в довершение радостей, революционные экипажи еще бы друг друга перетопили.

…А во дворце революция шла своим порядком: матросы гонялись за юнкерами, юнкера за матросами, мародеры грабили, а обнаружившим дорогу в винные погреба было уже вообще ни до чего. Весь этот базар закончился в два часа ночи, когда ВРК, наконец, повел свое войско на приступ, и секретарь ВРК Антонов-Овсеенко арестовал Временное правительство.

Министров вывели на площадь и, поскольку машины не было, отправили в Петропавловку пешком. Возле Троицкого моста их атаковала толпа, потребовавшая, чтобы министрам отрубили головы и бросили в Неву. Помог случай: из какой-то машины дали пулеметную очередь. Очередь была в мировое пространство, однако в Петропавловке решили, что стреляют по крепости и, в свою очередь, ответили. Все бросились врассыпную, в том числе арестованные и конвой. В общем, когда Антонов-Овсеенко разместил, наконец, свой груз по казематам, с облегчением вздохнули все, включая министров, ибо затянувшаяся революция утомила всех.

---

[14] Председатель Санкт-Петербургского КГИОП Вера Дементьева рассказывала, что ее дед, революционный матрос, всю историческую ночь вместе с несколькими товарищами провел у импровизированной баррикады в проходе между Зимним дворцом и Эрмитажем с приказом: в музей никого не пускать. Вообще никого.

Так зачем все же стреляла «Аврора»?

Ленин между тем метался по комнате в Смольном, обрушиваясь с руганью на членов ВРК, которые никак не могли взять этот проклятый дворец. Открытие съезда Советов оттягивали, сколько можно, но больше тянуть было нельзя.

…Официально считается, что Второй съезд Советов начался со знаменитых слов Ленина: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!» Однако на самом деле эти слова были произнесены раньше, на заседании Петроградского Совета, которое открылось в 2 часа 35 минут дня словами Троцкого: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!» После короткого отчета Троцкого о состоянии дел выступил и Ленин с той самой исторической речью. Большевики немножко поругались с меньшевиками, и делегаты разошлись – кто-то отправился в свои районы, а другие остались ждать начала съезда.

Его все-таки пришлось открывать, не дожидаясь известий об аресте правительства. Начался он в 10 часов 40 минут вечера 25 октября, спустя час после выстрела «Авроры».

К началу съезда собралось 650 делегатов, из которых 390 поддерживали большевиков. Как все они поместились в актовом зале Института благородных девиц? «Революция научила искусству уплотнения» – съязвил по этому поводу Троцкий. Делегаты, гости, охрана, журналисты всеми правдами и неправдами пробивались в зал, игнорируя предупреждения о том, что может провалиться пол. Повезло – пол не провалился.

«Внешний вид съезда говорил об его составе, – писал Троцкий. – Офицерские погоны, интеллигентские очки и галстуки первого съезда почти совершенно исчезли. Безраздельно господствовал серый цвет, в одежде и на лицах. Все обносились за время войны. Многие городские рабочие обзавелись солдатскими шинелями. Окопные делегаты выглядели совсем не картинно: давно не бритые, в старых рваных шинелях, в тяжелых папахах, нередко с торчащей наружу ватой, на взлохмаченных волосах. Грубые обветренные лица, тяжелые потрескавшиеся руки, желтые пальцы от цыгарок, оборванные пуговицы, свисающие вниз хлястики, корявые рыжие, давно не смазывавшиеся сапоги. Плебейская нация впервые послала честное, не подмалеванное представительство, по образу и подобию своему».

На том же съезде был и Джон Рид, дополнивший описание:

«Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немытых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертом воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: “Товарищи, не курите!”, и курение продолжалось. Делегат от Обуховского завода анархист Петровский усадил меня рядом с собой. Грязный и небритый, он едва держался, на ногах от бессонницы: он работал в Военно-революционном комитете трое суток без перерыва…»

Первым делом произошла «смена власти» в президиуме, который формировался по партийному представительству: новый съезд выдвинул 14 большевиков и 7 левых эсеров. Трое меньшевиков отказались занять выделенные им места – это был первый успех ленинской тактики. Прежние деятели ВЦИК вышли со сцены, а их места заняли Троцкий, Коллонтай, Луначарский, Ногин, Зиновьев, Камков, Мария Спиридонова и другие подобные им деятели.

И тут за окном загрохотали пушки – начался обстрел Зимнего дворца. (Вот и вопрос: связана ли эта стрельба, без которой вполне можно было обойтись, со взятием Зимнего – или это

была психическая атака на съезд? Лучшей провокации большевики, даже если бы и захотели, не смогли бы придумать). Собравшиеся сразу занервничали. Встал Мартов и от имени меньшевиков-интернационалистов предложил прекратить боевые действия (как будто они велись!) и начать переговоры, чтобы создать коалиционное демократическое правительство. Это было несколько хуже социалистического правительства, поскольку «демократическое» предполагало, кроме политических партий, представленных в Совете, участие множества других организаций. Тем не менее, съезд восторженно принял его предложение, с которым согласились и большевики – а что им еще оставалось?

Дело в том, что перед началом съезда делегаты заполняли анкету, из которой видно, какие наказы дали им их Советы. Абсолютное большинство – 505 человек – поддерживали лозунг «Вся власть Советам!» (в данном случае это означало формирование правительства из партий, представленных в Совете). 86 делегатов стояли за демократическое правительство, где, кроме Советов, будут представлены профсоюзы, кооперативы и пр. 21 человек допускал присутствие в правительстве представителей имущих классов, и 55 делегатов стояли за коалицию с кадетами. Едва ли собравшиеся в зале понимали, чем «Вся власть Советам» отличается от социалистического правительства, а последнее от демократического. Зато для большевиков в данной ситуации создание «правительства советского большинства» было хуже даже коалиции с буржуазией.

И тут как раз помогли пушки. Под их бодрящий аккомпанемент представители блока умеренных социалистов один за другим выступали с предложением в знак протеста уйти со съезда – что, в конце концов, и сделали. Естественно, после такого демарша речи об образовании однородного социалистического правительства уже не было. Съезд раскололся, однако абсолютное большинство осталось за большевиками и левыми эсерами.

Видный меньшевик Суханов потом, уже много лет спустя, с горечью констатировал: «Борьба на Съезде за единый демократический фронт могла иметь успех… Уходя со Съезда… мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле, мы обеспечили победу всей “линии” Ленина».

Что и требовалось получить

…Однако вопрос о составе Совета народных комиссаров все еще висел в воздухе. Слишком авантюрным было рассчитывать, что большевикам удастся создать монопартийное правительство – а им надо было сыграть наверняка. Параллельно со всеми этими событиями они вели переговоры с левыми эсерами о вхождении тех в Совнарком, что создало бы хоть какую-то видимость коалиции. Лучше б они этого не делали! Это ни в коей мере не облегчило положения большевиков, зато проблем потом у них будет из-за этого сотрудничества!

Впрочем, 26 октября левые эсеры не хотели входить в правительство (они согласились позже), и вопрос снова повис в воздухе. И вот тогда большевики предложили свой ответ на вопрос: «Вот власть! Что вы с ней сделаете?» Они произвели рокировку – первыми пунктами повестки дня 26 октября поставили не создание правительства, а обсуждение программы, и начали с документов, после которых сердца 150-миллионного народа Российской империи были отданы им. На трибуну вышел Ленин и зачитал воззвание «К народам и правительствам всех воюющих держав», более известный как «Декрет о мире».

«Рабочее и Крестьянское правительство, созданное революцией 24–25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех вою-

ющих стран, – миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, – таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию – все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета – не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, Правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров Правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это

перемирие было заключено не меньше как на тримесяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных кучастию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии – все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации».

Документ этот часто упоминается, но крайне редко печатается, и любой, кто его прочтет, поймет, почему. Собственно, раздел об «аннексиях» – это не социалистические, а либерально-демократические идеи, которые, как и любые либеральные идеи, примененные в конкретной жизни, оказались чрезвычайно разрушительными. Но собравшаяся в актовом зале Смольного толпа в серых шинелях не вникала в такие тонкости, да и едва ли вообще поняла, о чем именно говорят с трибуны – ей достаточно было самого слова «мир».

Следующим пунктом повестки дня стоял декрет о земельной реформе – и вот здесь лишних и «умных» слов не было вообще.

«1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, номер 88, 19 августа 1917 г.).

О земле

Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) ***Право частной собственности на землю отменяется навсегда;*** *земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля:* ***государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно,*** *обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.*

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с ***высоко-культурными*** *хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. под.* ***не подлежат разделу, а превращаются в показательные*** *и передаются в исключительное пользование* ***государства или общин****, в зависимости от размера и значения их.*

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности, на этот срок прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению.

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются».

Этот документ собравшиеся в зале крестьяне в серых шинелях поняли сразу, и еще как поняли! Декрет устанавливал то самое положение, о котором русский крестьянин мечтал, начиная с 1861 года, которое пытался донести до деятелей Думы, а потом Временного правительства и Советов в бесчисленных наказах. Собственно, это была не большевистская, а эсеровская программа, которую городская по преимуществу большевистская партия без малейшего стеснения «увела» у оппонентов. Эсеры страшно обиделись и долго кричали о плагиате, на что большевики резонно возражали: «Так ведь мы ее реализовали, какие претензии?»

И лишь потом, на волне народного ликования, в 2.30 ночи съезд приступил к обсуждению вопроса о новом правительстве. Меньшевики и эсеры торжественно покинули Смольный, левые эсеры отказались войти в Совнарком, а большевики провозгласили декреты, отражающие все чаяния трудящихся масс – так в чем вопрос-то? Совнарком был составлен из одних большевиков во главе с Лениным, и за него проголосовало около 450 человек из 600 присутствующих. Это правительство также было «временным» – ему предстояло функционировать вплоть до Учредительного собрания.

И все же интересно: кто придумал решившую дело историю с обстрелом Зимнего?

Заключение

А потом Ленин еще раз шокировал товарищей по партии – когда те поняли, что он на самом деле собирается претворить в жизнь все, что большевики обещали.

25 октября еще ничего не решало. Взять власть было, право же, совсем нетрудно. Большевики взяли ее красиво и практически бескровно – это их заслуга в сфере политической эстетики. Ровно с тем же успехом они могли разбомбить Зимний дворец и перестрелять несколько сотен его защитников. Троцкому пришлось бы несколько видоизменить свою речь, и дальше события пошли бы все тем же ходом.

Дело ведь было совсем не в том, чтобы оттащить с арены и без того лежащее в глубоком нокдауне правительство. Дело было в том, чтобы решить проблемы, отправившие его в нокдаун – те проблемы, о которые обломало зубы неизмеримо более сильное и подготовленное царское правительство и намного лучше финансируемое Временное. Сталин в августе 1917-го

на VI съезде партии дал далеко идущее обещание: «Если мы возьмем власть, то сорганизовать ее мы сумеем». Интересно: он на самом деле так думал?

Впрочем, для начала неплохо бы знать, сколько шансов он отсчитал на реализацию первой части этой фразы. Один из десяти? Или один из ста? А Ленин – сколько времени он предполагал продержаться?

Тем не менее, власть была взята, и пришла пора отвечать за все свои обещания – резвитесь, ребята, пока не придет новый хозяин страны и не развесит вас на фонарях[15]!

Вот стратегическое наследство, доставшееся большевикам от прежних властей: страна, намертво завязшая в клубке неразрешимых противоречий, с чудовищно отсталым нереформируемым сельским хозяйством, полуколониальной экономикой, полным отсутствием идеологии, сгнившей верхушкой и неграмотными (в прямом смысле) низами.

Вот тактическое наследство: неоконченная война при развалившейся армии, голод, холод, остановившиеся заводы, агонизирующий транспорт, городское население, которое надо как-то спасать, и сельское, с верхушкой которого надо как-то договариваться, чтобы взять хлеб, а бедноту (которой было больше половины) тоже как-то спасать. А кроме того, бывшие «хозяева жизни», желающие скинуть новую власть, и милые соседи, для которых настал удобный момент поделить страну.

Вот оперативное наследство: некоторое количество полуразвалившихся государственных структур с саботирующими чиновниками, которых надо как-то заставить работать, и лютый кадровый голод, поскольку и без того немногочисленные образованные люди большей частью, не в силах стерпеть «хама», оказались на «белой» стороне.

Большевики, дерзнувшие взять власть в октябре семнадцатого, остались со всем этим веками копившимся и доставшимся им в наследство клубком проблем один на один, без всякой помощи. При этом они не имели никакого опыта управления государством. Соотношение было примерно такое же, как в фильме «Выборгская сторона»: ты вроде бы больничной кассой заведовал? Ага, пойдешь директором Госбанка. Кое-что большевистская верхушка, всю жизнь занимавшаяся изучением общественных наук, знала в теории… а вы пробовали хотя бы мобильный телефон освоить с помощью инструкции?

Но эти авантюристы высочайшего разряда, не зная о государственном управлении ничего, кроме обрывков нахватанных отовсюду книжных знаний вперемешку с самыми дикими теориями, не струсили. Они взялись за дело, о котором не имели практически никакого представления, стали его делать – без механизмов управления, при всеобщем развале – и сумели вытащить страну из кровавой смуты и хаоса. Как – это уже второй вопрос. Как умели. Что поделаешь, эти люди не проходили практику в должностях заведующих канцеляриями и товарищей министров. Они очень быстро избавились от каких бы то ни было иллюзий, и это стало спасением и для них, и для страны. Критиковать-то их просто, да – а какой еще был выход из русской смуты?

Я долго не могла понять причин – почему Сталин так преклонялся перед Лениным. Всего пять лет на посту главы государства, и то приходящихся, в основном, на войну – а белые эту войну не выиграли бы никогда. Среднего класса – опоры буржуазной демократии – в России практически не было, сразу под тончайшим образованным слоем колыхалось море неграмотного, но отнюдь не темного народа, доведенного за двести лет жизни по европейскому образцу до предела терпения. Прежних хозяев – ни помещика, ни «христолюбивого» фабриканта – эти люди не приняли бы никогда, так что большевики, опиравшиеся на эти низы, были просто обречены на победу.

А что еще сделал Ленин? Право же, сущие пустяки, и говорить не о чем: из того хаоса, который получило в наследство новое правительство, создал какую-никакую, но власть, при

[15] Ну, или хотя бы не обгадит перед потомками в средствах массовой информации.

этом не потеряв почти ничего от прежней державы. Подумаешь, пустяки какие! Право, любой бы сумел!

Приложение

РАССКАЗ АНАРХИСТА ФЕДОРА ДРУГОВА О ТОМ. КАК ОН ШТУРМОВАЛ ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Я лежал в военном госпитале, когда мне сообщили, что назревают серьезные события. Я, несмотря на протесты врача, выписался и помчался прямо в Смольный, не показавшись даже родным. Там я встретил Марусю Спиридонову, которая мне объяснила все и сообщила, что левые эсеры выступают вместе с большевиками против Временного правительства. Она попросила меня войти в Петроградский Военно-Революционный Комитет (ПВРК), в который большевики не хотели пускать левых эсеров[16], а меня, анархиста, готовы были терпеть как посредника между двумя крайне левыми партиями. После переговоров с Лениным я был введен в состав ПВРК. Он помещался в двух комнатах верхнего этажа Смольного, в северном конце коридора. Возле него в отдельном помещении находился Ленин, а напротив – военный штаб Антонова. По окончании II Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, принявшего постановление о передаче власти Советам[17], председатель ПВРК Дзержинский предложил мне поехать к Зимнему дворцу и выяснить положение. Доехав по Невскому до Морской улицы, я сошел с автомобиля и направился пешком…

У Морской и Невского стояло несколько орудий с дулами, направленными в сторону Зимнего. Впереди около арки, сложив ружья в козлы, сгрудилась группа солдат. По их спокойному виду нельзя было судить, что это передовая линия осады. Направляюсь к Александринскому саду – около улицы Гоголя стояла группа красногвардейцев и реквизировала все проходящие мимо автомобили, сгоняя их к Смольному. В конце Невского двигались одинокие прохожие, некоторые с винтовками и пулеметами. На площади у Исаакиевского Собора расположился бивак матросов Второго Балтийского Экипажа. Такая мирная обстановка меня поразила. В Смольном известно, что Временное правительство решило защищать свою власть, и там уверены, что без штурма Зимнего не обойтись – а здесь не только нет достаточной осады, кругом дыры, но и те незначительные части, что кое-где стоят, благодушно настроены и не чувствуют боевой обстановки. Я пересек Дворцовую площадь и подошел к группе штатских, среди которых находилось несколько матросов. Узнал нескольких анархистов – разговор шел о Керенском, который якобы идет с казаками на выручку Временному правительству, говорят, юнкера готовят вылазку из Зимнего дворца, вроде бы у них есть несколько броневиков и поэтому надо брать поскорее штурмом дворец. Вся обстановка говорила за то, что они правы. Но кто же будет штурмовать Зимний, если вокруг никого нет? В это время кто-то указал на движущийся быстро через площадь силуэт человека. Никто не придал этому значения. Однако меня заинтересовал этот силуэт, который, судя по всему, вышел из Зимнего. Я предложил его задержать. Каково же было наше удивление, когда мы узнали в нем командующего Петроградским военным округом. Штатское пальто не спасло его, и он был препровожден в ВРК Когда в толпе узнали, что я член Петроградского Ревкома, один анархист позвал меня сходить к баррикадам юнкеров и предложить им сдаться. Я согласился. Махая носовыми платками, мы пошли

[16] Как это не хотели? А Лазимир тогда кто?

[17] Скорее всего, речь идет о дневном заседании Петросовета, на котором Троцкий объявил Временное правительство низложенным.

к баррикаде и влезли на нее. При виде нас юнкера сгрудились к нам. Мой спутник произнес агитационную речь, после чего юнкера плаксивым ребяческим хором[18] загалдели: «Ну мы же не хотим братоубийства. Мы хоть сейчас сдадимся, но кому же, кому мы должны сдаться, скажите?» Мой спутник указал на меня: «Вот член Военно-Революционного Комитета. Он является законным представителем государственной власти». В этот момент из ворот вышел офицер и крикнул: «Господа юнкера! Позор! Вы братаетесь с хамьем Марш по местам». Но юнкера уже вышли из повиновения. Посыпались жалобы и упреки. Видно было, что Временное правительство уже не пользуется у них авторитетом. И перспектива встретиться с разъяренной народной толпой им не улыбалась. Офицер повернулся на каблуках и быстро ушел. Сейчас же во дворе раздалась команда, и к воротам частыми шагами подошел взвод других юнкеров. «На линию огня, шагом марш!» Новые юнкера рассыпались по бойницам Старые выстроились и ушли внутрь здания, ворча на офицера. Офицер резко обратился к нам: «А вы кто такие?» Я ответил, что я член ВРК и уполномочен передать предложение о сдаче: «Зимний дворец окружен плотным кольцом, на Неве стоят военные корабли. Положение Временного правительства безнадежно», но офицер грязно выругался и послал нас. И мы пошли…

Захватив на Невском первую попавшуюся машину, я приехал в Смольный. Обрисовал печальную картину, сложившуюся вокруг Зимнего, Антонову. Антонов, тряся длинной шевелюрой, удивился моему рассказу: «Как? А мне только что сообщили, что Временное правительство сдалось и Зимний плотно оцеплен нашими войсками. Я сейчас же приму меры. Спасибо, товарищ!»

Видя царящий в военном штабе хаос, бестолковщину и благодушное неведение командующего, я, сообщив в ВРК свои сведения, помчался назад к Зимнему, чтобы лично организовать штурм Дворца. По дороге я услышал несколько выстрелов. Когда я вернулся к Зимнему, вокруг него царило уже большое оживление. Разношерстные группы гнездились за каждым прикрытием. Это не были организованные отряды, это была обычная революционная толпа, которой никто не руководил, но которая собралась сюда поодиночке со всех концов города, как только раздались первые выстрелы – признак революции. Тут были матросы, рабочие, солдаты и просто неопределенные лица. Это была стихия. Организованные же части продолжали благодушествовать, расположившись бивуаком в стороне. Я взял на себя задачу направить эту стихию на активные действия. Черная ночь, мертвящая тишина, передвигающиеся с места на место тени «стихии» нервировали защитников баррикады. Время от времени они оглашали площадь выстрелами. Для порядка и мы посылали им ответные выстрелы из толпы. Перестрелка создавала некоторую напряженность и революционизировала атмосферу, привлекая с окраин толпы рабочих, желающих принять боевое участие в революции. Из-под арки я перебрался к сложенным штабелям, под прикрытием которых скопилось много стихийников. Эта масса жаждала действа.

Стоило мне только предложить нескольким матросам штурмовать баррикаду, как тотчас же вокруг собралась целая рота добровольцев. Они только и жаждали инициатора, который бы что-нибудь такое затеял. Я взял на себя командование. Объяснил боевую задачу, как нужно себя вести при наступлении, и мы широкой цепью двинулись вперед. Нам удалось дойти уже до середины площади, когда нас выдал предательский свет фонаря на Александрийской колонне. Нас заметили с баррикады и после первого залпа открыли по нам частый огонь. Впившись в мостовую зубами, мы лежали как мертвые. Кто-то из наших товарищей сзади догадался «потушить» фонарь на колонне. И вскоре стрельба юнкеров стала стихать. Не успела еще прекратиться стрельба, как я услышал над своей головой голос неизвестно откуда взявшейся медсестры: «Товарищ, ты жив?!» К счастью, помощь не понадобилась – никаких ран, кроме

[18] Возможно, воспитанники юнкерских училищ там тоже были. Кого еще и гнать на выручку непопулярного правительства, как не детей…

нескольких разбитых при падении на мостовую коленок и лбов, у наступающих не было. То ли юнкера не умели стрелять, то ли стреляли поверх голов, и это спасло защитников Зимнего от эксцессов толпы. После неудачной попытки атаковать баррикаду я решился приблизиться ко Дворцу со стороны Миллионной улицы. Перебежками вдоль стены штаба мы добрались до угла и присоединились к солдатам Павловского полка, укрывавшимися за гранитными статуями Эрмитажа. Взяв с собой группу матросов, я направился для разведки к боковым воротам Зимнего. Подкравшись к воротам, мы увидели ударниц женского батальона и вступили с ними в переговоры.

Оказалось, они сами искали путей войти с нами в контакт. Они нам сообщили, что женский ударный батальон и большая часть юнкеров постановили прекратить защиту группы растерявшихся людей, именующих себя Временным правительством. Они хотели вступить в переговоры с представителями ВРК, которые гарантировали бы им личную безопасность и свободное возвращение. Получив от меня гарантии, делегаты сдающихся частей ушли передавать результат переговоров своим товарищам. Ударницы начали выходить с полным вооружением, складывая винтовки в кучу. Проходя через строй рабочих и красногвардейцев, молодые ударницы бросали задорные, кокетливые взгляды своим бывшим «врагам». Беспечный вид смазливых девчонок, плотно натянутые шаровары которых выдавали соблазнительные формы женского тела, развеселил нашу публику. Посыпались остроты и комплименты. Матросские лапы потянулись к шароварам пошарить, не спрятано ли там оружие. Ударницы не догадывались, в чем дело, и покорно позволяли гладить свои ноги. Другие же догадывались, но нарочно щеголяли своим телом, насмешливо наблюдая за движением матросских рук и как только эти руки переходили границы возможного, так моментально получали шлепок, и пленница со смехом убегала. Растроганный матрос безнадежно вздыхал: «Эх, хороша Маша, да не наша». Солдаты скромнее, тех больше привлекали упругие груди, соблазнительно обрисовывавшиеся под тканью гимнастерок. С простодушной неуклюжестью солдаты пользовались возможностью «полапать» девчонок. Проходя дальше по строю, ударницы, освоившиеся уже с «вражеской» обстановкой, раздавали шлепки налево и направо. Толпа гоготала в блаженном веселии. А в это время в нескольких десятках саженей из-за баррикады трещали выстрелы. Война только началась. За ударницами потянулись юнкера. Наконец, вышел последний юнкер и сообщил, что желающих сдаваться пока больше нет, но некоторые части юнкеров колеблются. Офицеры обеспокоены сдачей части юнкеров и ударниц. Много юнкеров арестовано, и им грозит расстрел за измену Временному правительству.

Воспользовавшись путем, которым вышли из Зимнего юнкера, матросня ворвалась во дворец и рассеялась по бесчисленным коридорам и залам дворца. Поднявшись по лестнице наверх, я с группой матросов стал пробираться по залам внутрь. Вперед мы выслали разведку, которая тщательно осматривала все помещения по пути. Двигаться было очень опасно. За каждой дверью, за каждой портьерой мог встретить притаившийся враг. Наконец, нас просто могли атаковать с тыла, отрезать выход. Нас была небольшая группа, остальные разбрелись неизвестно куда. Та часть дворца, куда мы попали, оказалась пустой. После сдачи юнкеров и ударниц у временного правительства не нашлось сил заполнить этот прорыв. Наша цель была – проникнуть изнутри к главным воротам и атаковать баррикаду с тыла.

Вдруг на площади поднялась страшная стрельба. Откуда-то распространился слух, что прибыли казаки Керенского. Матросня бросилась назад к выходу. Как я ни успокаивал – не помогло, и мне пришлось самому удирать. Не зная расположения дворца, я побежал за двумя последними матросами, чтоб не остаться совсем одному. Вбежали в какой-то чулан или кухню, а дальше бежать некуда. Неизвестно куда ведущая дверь оказалась запертой. Пробили прикладами дыру и вылезли на лестницу. Дверь во двор тоже оказалась на замке. Попробовали бить прикладами – не поддается – прочная. Мы попались в западню, как мыши.

Нужно искать путь, которым мы пришли во дворец. Бежим наверх. Взломали еще одну дверь и какими-то помещениями пришли к выходу. Выскочив за ворота, мы сейчас же должны были залечь в нише Зимнего дворца, так как нас обдало потоком пуль. На площади стоял сплошной гул от стрельбы. Мы лежали друг на друге в три этажа. И нижний едва переводил дух под нашей тяжестью, но зато он был в самом безопасном положении.

Когда поток пуль несколько ослаб, мы перебежали к Эрмитажу. Укрывшиеся там матросы и красногвардейцы стреляли по баррикаде. Выяснилось, что никаких казаков нет, а просто стихийно поднялась стрельба. Я предложил прекратить бесполезную стрельбу и вновь двигаться во дворец. Матросы рассказали, как один из них, забравшись на какой-то чердак и сбросив оттуда бомбу на собрание юнкеров, убежал. Нескольких матросов будто бы юнкера захватили в плен и расстреляли. Публика рассвирепела: «Как, расстреляли наших товарищей! Даешь Зимний, братва!» И вся эта орда бросилась во дворец…

Бомба, брошенная в самой середине здания, навела на юнкеров такой панический страх перед наглостью матросов, что они, завидев в дверях пару матросов, наводящих на них винтовки, моментально поднимали руки вверх и сдавались. Лишь непосредственная охрана Временного правительства и защита главных ворот еще держались на своих позициях.

По открытому нами пути во дворец вошел народ, рассеиваясь в бездонном лабиринте его помещений. Чувствуя безопасность, во дворец устремились толпы любопытных, к которым примазались темные личности, почувствовавшие удобный случай поживиться. Мне сообщили, что во дворце обнаружено громадное количество пулеметов, боеприпасов и вина и что в подвале начинается пьянство. Я немедленно направился туда… оказалось, что там, помимо двери, проломлена кирпичная стена. Кто проломал стену и когда – это тайна, но во всяком случае тот, кто ломал, имел определенную цель и точно знал, где надо ломать. Я заставил немедленно заложить стену кирпичами и закрыть железную дверь.

На площади кипел горячий бой. А я с группой кронштадтцев пробирался по огромным залам дворца, увешанным картинами. У каждой двери стоял лакей в ливрее с неизменными бакенбардами. Странно было видеть этих людей при своих обязанностях в самом пекле сражения. Люди в ливреях невозмутимо стояли на своих постах и привычным движением распахивали перед каждым дверь. Один из лакеев, увидев меня и решив почему-то, что я начальник, обратился ко мне и говорит: «Я понимаю еще – ну бунтовать, там, но убивать, а зачем безобразничать-то!» – «Что вы этим хотите сказать?» – спрашиваю я, не понимая, в чем дело. «Так как же, вот, ваши товарищи-то: полюбуйтесь. Взяли кусок портьеры и вырезали на портянки. Я им говорю: зачем же вы хулиганничаете, вещь портите, вещь, она вас не трогает. Так они на меня револьвер наводят. Молчи, говорят, старая собака». – «А вы можете указать на того, кто это сделал?» – «Так где ж его теперь найдешь! Сколько их тут навалило!» Я старику разъяснил, что такие гадости делают не революционеры, а мародеры, которых надо истреблять на месте. И если кто-нибудь еще позволит себе, то если он сам не сможет задержать этого человека, пусть укажет на него первому попавшемуся матросу, а уж мы ценности отберем и пощады не дадим. Я похвалил старика за то, что он в такой момент стоит на своем посту и охраняет народное имущество. На площади стрельба все увеличивалась, вдруг молния осветила на миг погруженные во мрак помещения дворца и раздался оглушительный орудийный выстрел. За ним еще. Здание дрогнуло. Казалось, что где-то поблизости рухнули стены. Я знал, что орудия, стоявшие на Невском, подвезены под арку штаба. Неужели они стреляют по дворцу, а ведь здесь же много своих? Я не в состоянии был понять, что там происходит. Может, следующий снаряд и похоронит нас под развалинами. Успокоил себя мыслью, что нелепо разрушать Дворец, и они этого никогда не сделают, стреляют, по-видимому, по баррикаде, чтоб разрушить ее. (Это стреляла холостыми «Аврора».)

Прибегает матрос и заплетающимся языком сообщает, что стены в погреб опять сломаны и народ растаскивает вино. Я приказал ему опять заложить отверстие, закрыть дверь и охранять погреб. Матрос, пошатываясь, ушел.

Пробираясь дальше вглубь здания, я заглянул в одну из боковых зал и вижу, как двое штатских, отворив крышку громадного ящика, роются в нем. На полу валяются различные серебряные предметы. Я вхожу и, направив на них маузер, командую: «Ни с места!» В ответ они моментально выхватывают наганы и открывают по мне стрельбу. Я успел укрыться за дверью и крикнул своих матросиков, несколько поотставших от меня. Учуяв неладное, мародеры хотели улизнуть через другую дверь и скрыться с награбленными ценностями, но матросы нагнали их. Отобрав у них ценности, я приказал кронштадтцам вывести мародеров на улицу и расстрелять, что и было сделано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года. http://scepsis.ru/library/id_1499.html Глава 13.

2.

Троцкий Л. Воспоминания об октябрьском перевороте. http:// www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl362.htm

3.

Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 66–67.

4.

Цит. По: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Глава 15.